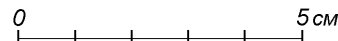

Прорись грамоты № 749

Стратиграфической даты нет (ввиду перекопа). Внестратиграфический анализ указывает на последнюю четверть XIV — первую половину XV в., с предпочтением последней четверти XIV в.

Текст делится на слова следующим образом:

Поклонъ ѿ Ивана к Лентяю. После разрыва: ... со ѡтцмьите на мене. Что ксьмь передь вами говорилъ, исправи слово то: ты мої братъ, во что ти юси надобѣнь! А заду не боіса — азъ в томъ. А до моего живота пособникъ ксьмь тобѣ за(а) твоє добро.

Перевод (в предположении, что между *говориль* и *исправи* лакуны нет): 'Поклон от Ивана к Лёнтию'. После разрыва: '... с отцом ...' После следующего разрыва: '... на меня. Что я перед вами говорил, это [мое] слово ты исполни: ты мой брат, для чего же [еще] ты и нужен! А последствий (?) не бойся — за это отвечаю я. А я до конца жизни буду тебе помощник за твое добро'.

Значение слова *задь* в данном контексте, к сожалению, устанавливается недостаточно определенно. Можно предполагать значения: а) 'последствия', 'то, что будет потом'; б) 'прошлое', 'прежнее', 'то, что было'; ср. именно такое совмещение значений у слова *заднее* (Слов. XI–XVII, 5, с. 185). Иван берет на себя ответственность либо за последствия тех действий, которых он требует от Лёнтия, либо за какое-то не названное событие в прошлом.

Грамота № 750

Найдена на Федоровском раскопе, в квадрате 308, на уровне пласта 14 (глубина 2,60–2,80 м). На двух сторонах берестяного листа одним и тем же почерком написаны два разных документа: записка на память самому себе и письмо. Записка расположена на внутренней, более удобной для писания стороне листа; очевидно, она была написана раньше, чем письмо. Либо автор, не найдя другого листа бересты, написал письмо на обороте записки и послал его, не обращая внимания на наличие записки, либо перед нами не само письмо, а его черновик; ср. записи Моисея (грамота № 521), куда входят как списки долгов, так и черновик официальной жалобы.

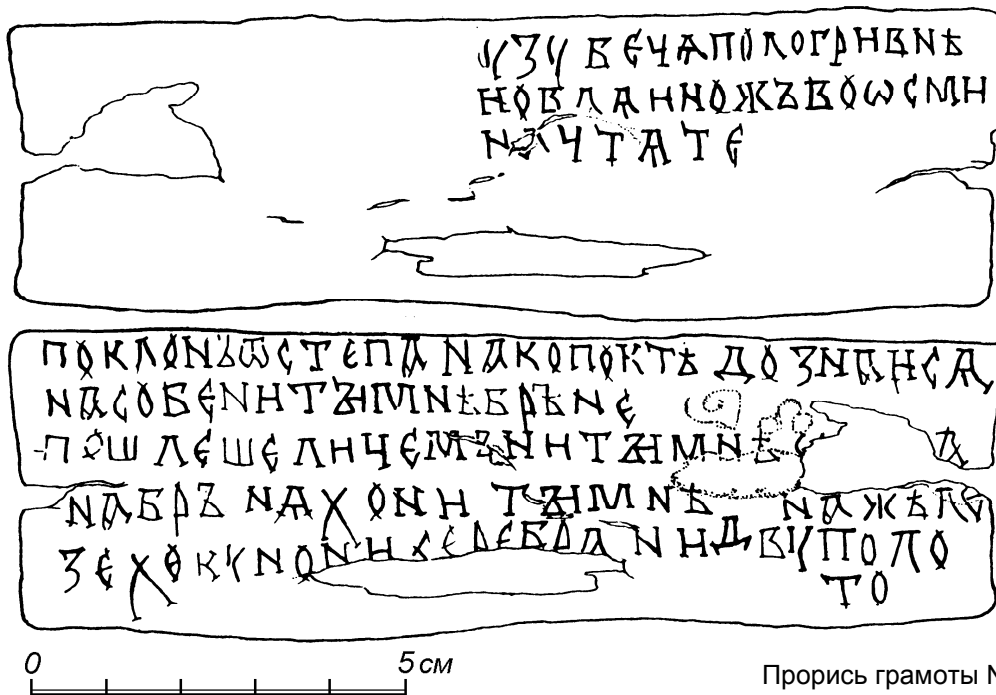
Внутренняя сторона

оузубецапологривнѣ
 новаиножъвоуоуоуоу
 нацтате

Первая буква этого текста была передана в предварительной публикации просто как у; но, по-видимому, правильнее интерпретировать ее как слитное оу.

Внешняя сторона

поклонъ ѿ степана ко поктѣ дознаиса
 на собенитымнѣ бръне
 пошлешелицемъ нитымнѣ [ш] --- а
 на бр[ъ] на хонитымнѣ на жѣле
 зехокуно [н] [сере] брани двуполо
 то

Прорись грамоты № 750

Внешняя сторона берестяного листа сильно истерта, поэтому часть букв здесь читается лишь с очень большим трудом и не вполне надежно.

Длина 13,2 см, ширина 4,2 см.

Стратиграфическая дата: конец XIII — первое сорокалетие XIV в. Внестратиграфический анализ указывает на конец XIII — начало XIV в. (о датировке грамоты см. также ниже).

Грамота делится на слова следующим образом:

Внутренняя сторона: **Оу Зубца поло гривнѣ нова и ножъ во Ѡсми начтате.**

Внешняя сторона: **Поклонъ Ѡ Степана ко ПоктѢ. Дознаиса на собе: ни ты мнѣ бръне пошлеше лицемъ, ни ты мнѣ Ѡ(купа) на брънахо, ни ты мнѣ на жѣлезехо куно, ни серебра, ни дву полото.**

Адресат, по-видимому, именовался *Потка*, т. е. в *ко Поктѣ* переставлены буквы (ср. перестановку букв в *начтате*). Это прозвище: ‘птица’ (из *пѣтка*). Оно было очень распространено: Тупиков (с. 375) отмечает целый ряд людей с таким прозвищем, причем большинство из них — новгородцы. Интересно, что в Синод. НПЛ один раз отмечена точно такая же перестановка в данной антропонимической основе: В. ед. *Романа Пѣкта* (под 1200 г.); в младшем изводе — *Романа Потка*. Не исключено, таким образом, что метатеза в этом имени носила не графический, а фонетический характер. Имя *Зубецъ* хорошо известно как в Новгороде, так и в других регионах (Тупиков, с. 219).

Перевод. Внутренняя сторона: ‘У Зубца новых полгривны и нож за восемнадцать (не указано, чего)’. Внешняя сторона: ‘Поклон от Степана Потке. Рассуди сам: ты мне не присылаешь ни самих доспехов, ни возмещения за них, ни платы за оковы — ни кун, ни серебра, ни двух полтей’. Возможно, впрочем, что словом *желъза* могли называться не только оковы (кандалы), но и вообще железные изделия. Полоть (половина мясной туши) — обычная для древней Руси единица количества мяса (таким образом, вполне нормально, что речь идет именно о двух полтях, а не просто об одной туше).

Стилистика письма великолепна. Автор как бы просто приглашает адресата задуматься над несколькими фактами, явно нарушающими справедливость. Никакого банального резюме типа “так пришли же скорее”. Чрезвычайная выразительность достигается, с одной стороны, предельным лаконизмом в изложении фактов (в частности, глагол *пошлеш(ь)* не повторяется), с другой — тройным повторением *ни ты мнѣ*, несущего основной эмоциональный заряд, и еще двумя *ни* в составе последней фразы.

Степан — вероятно, мастер-оружейник или торговец оружейным товаром. Он изготовил (или доставил) для Потки доспехи (которые тот, по-видимому, объявил неудовлетворительными) и оковы, для Зубца нож. За оковы Степан должен был получить плату деньгами (кунами или серебром) и так наз. пополнок (дополнение натурой) — в данном случае две полти мяса.

Особую проблему составляет термин “гривна новая”, фигурирующий в записи о долге Зубца. С момента возникновения новой денежной единицы — рубля — на месте прежней гривны серебра на рубеже XIII и XIV вв. величина гривны (“гривны кун”) оставалась неизменной вплоть до 10-х гг. XV в., составляя тринадцатую часть рубля (около 13 г серебра) (Янин 1970; 1979). Предполагалось, что такой же она была и во второй половине XIII в., когда гривна серебра делилась на 15 гривен кун, а рубль, таким образом, возник путем уменьшения прежней гривны серебра на две гривны кун (Янин 1979, с. 176). Однако существует источник, относящийся ко второй половине XIII в. и фиксирующий равенство в Новгороде гривны серебра не пятнадцати, а семи с половиной гривен кун. Имеем в виду статью “О бесчестии” в Пространной редакции Русской Правды: *а за гривну сребра полъ осмѣ гривнѣ* (НПЛ, с. 498; 25). Таким образом, гривна кун во второй половине XIII в. равнялась примерно 26 г серебра, т. е. вдвое превышала гривну кун рублевой системы XIV в. Именно к последней на первых порах и должно было относиться обозначение “гривна новая”. Надо полагать, что его присутствие в тексте грамоты № 750 датирует документ рубежом XIII–XIV вв., когда возникла рублевая система.

Грамота № 751

Найдена на Федоровском раскопе, в квадрате 308, на уровне пласта 18 (глубина 3,41 м). Это маленький обрезок документа, разрезанного с целью уничтожения:

...имо[е]...
 ...мен...
 ...дах...

Длина 3,8 см, ширина 2,3 см.

Стратиграфической даты нет. Внестратиграфический анализ указывает на XII в. (скорее на вторую его половину); но из-за ничтожно го объема материала оценки здесь ненадежны.

Для разделения на слова данных нет.

Прорись грамоты № 751

Грамота № 752

Найдена на Троицком раскопе, в квадрате 994, на уровне пласта 11 (глубина 2,11 м), в напластованиях усадьбы К. Грамота сохранилась в виде двух фрагментов — начального (без первых 15 букв) и конечного; средняя часть, содержащая не менее двух строк, утрачена.

Начальная часть

-----[ъ]гобѣтришьдъавъсюнедѣлюцѣтъдомьнъзълаимеешиоже
 н[ыри]
 є[с]икъмънѣхѣдилълазътаесмѣлаакыбратъсобѣциоужетисемъзадѣласълюциато
 бѣвѣдѣакоестънегодънѣажебѣтигодънѣто[из]оцѣбѣсавытьрьгопритькль

Конечная часть

...дѣ...
 ... [нъ]нѣк[ъ]дъинодѣвъспишижьмипро...
 [тъбъ]хабляцитибудоузадѣсвоимъбъзоумьемажемисапоцьнъшинасмихатисоу
 дитьбѣ[и]моахуодость